

ЭТОТ
ГОРОД НАС
СВОДИТ
С УМА!

ЛИЛИЯ
СЕРГЕЕВА

ЭТОТ
ГОРОД НАС
СВОДИТ
С УМА!

РОКОВОЙ, БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ
И КРИМИНАЛЬНЫЙ
ПЕТЕРБУРГ

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

УДК 908(470.23-25)
ББК 26.89(2-2Санкт-Петербург)
С32

В оформлении обложки использована фотография:
Savvananf Photo / Shutterstock / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock / FOTODOM

Сергеева, Лилия Анатольевна.

С32 Этот город нас сводит с ума! Роковой, блистательный и криминальный Петербург / Лилия Сергеева. — Москва : Эксмо, 2025. — 208 с — (Петербург. Архитектура и история).

ISBN 978-5-04-184562-9

Как бы ни менялся Петербург на протяжении веков, неустанно за яркими образами «парадиза», «блистательного Санкт-Петербурга» тенью следует его inferнальная, мистическая сторона. Город предстает перед нами всякий раз и величественным, и трагичным одновременно. Мифологизация порой страшной действительности и есть попытка принять этот город, который многих в разной степени сводит с ума.

В своей новой книге экскурсовод Лилия Сергеева разбирается, что является составляющими образа этого города. История мест, где он был основан? Его климат? А может, архитектура или сами жители? Она собирает воедино все части этого замысловатого рисунка, сделавшего Петербург неповторимым и притягательным, будь то древние финно-угорские легенды о чудодейственных камнях, загадочные сфинксы на берегах Невы, мрачные темницы с призраками или жестокие уличные банды. Петр I, Гоголь, Достоевский, Бродский — все они переплетаются в этом увлекательном иллюстрированном путешествии сквозь столетия.

УДК 908(470.23-25)
ББК 26.89(2-2Санкт-Петербург)

© Лилия Сергеева, текст, 2025
© Александр Евстафьев, фотографии, 2025
© Ксения Дворцова, фотографии, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-184562-9

Содержание

Предисловие. Многоликий Петербург	6
Глава I. «Приют убогого чухонца»	17
1. История приневских земель и камней	17
2. «Алтарный камень финских чернобогов». История Гром-камня	29
3. «Дети тысячелетий». Петербургские сфинксы	37
Глава II. Петербургские тюрьмы	46
1. «Здесь будет город заложен...» Крепость-тюрьма	46
— Узники крепости	57
— Декабристы	64
— Петрашевы	69
— Н. Г. Чернышевский и другие узники	76
2. «Город-ключ»	81
3. Кирпичный стиль и «Кресты»	87
4. Другие уголовные тюрьмы Петербурга	102
Глава III. «Желтый дом»	117
Глава IV. «Язвы Петербурга». Криминальный Петербург XIX — начала XX века	127
— Дело об убийстве Штрама (тру-крайм)	141
— По желтому билету	142
— Дело об «убиении фон-Зона» (тру-крайм)	146
— Вяземская лавра	154
— Петербургская сыскная полиция	161
— Дело Людвига фон Аренберга	162
— Путилин и Сонька Золотая Ручка	163
— «Страховой случай» (тру-крайм)	167
— Пьянство и дурман	171
— Гопники с Лиговки	175
Глава V. Девяностые. Петербург роковой и роковый	181
Глава VI. Глухой брандмауэр, или Стены панелек	189
Заключение	205
Источники	206

Предисловие. Многоликий Петербург

*«И обернется вдруг глухим брандмауэром
Блистательный Санкт-Петербург»*

Санкт-Петербург – город архитектурных ансамблей, яркая страница в российской истории, притягательная точка мировой географии. «Северная Венеция», «Северная Пальмира», «Новый Амстердам», «культурная столица», «город-музей», «город белых ночей» – так обычно называют этот город. Но его же часто описывают как «мрачный», «серый», «мистический». Как ни старались талантливые зодчие прошлого создать из Петербурга архитектурную жемчужину, на протяжении всей его истории многих зачастую больше будоражила и привлекала его иная, темная сторона. Любая экскурсия по Петербургу, содержащая в своем описании определения «непарадный», «мистический», «небанальный», обречена на успех. С самого основания этот город нес на себе печать города «проклятого» («Петербургу пугу быти» – пророчество Евдокии Лопухиной). То есть, едва родившись, город обрел миф о своем конце.

Адам Мицкевич в стихотворении «Петербург», сравнивая город на Неве с другими европейскими городами, пишет:

*«У зодчих поговорка есть одна:
Рим создан человеческой рукою,
Венеция богами создана;
Но каждый согласился бы со мною,
Что Петербург построил сатана...»*

А. Мицкевич. «Петербург», 1832.

Из поэмы «Дзяды»

В дальнейшем образ Санкт-Петербурга лишь больше покрывался темным налетом, будто патиной, которая стала его неотъемлемой частью. Это получило отражение в литературе.

*«Преславный град, что Петр наш основал
И на красе построил толь полезно,
Уж древним всем он ныне равен стал,
И обитать в нем всякому любезно»*

В. Тредиаковский. «Похвала
Ижерской земле и царствующему
граду Санктпетербургу», 1752.
Из цикла «Оды похвальные»

*«Вижу, Севера столица
Как цветник меж рек цветет, —
В свете всех градов царица,
И ее прекрасней нет!»*

Г. Державин. «Шествие по Волхову
российской Амфитриты», 1810

Воспетый как прекрасная имперская столица в одах Тредиаковского и Державина, Петербург предстает перед нами позже у Пушкина не просто блистательной декорацией из фасадов дворцов и гранита набережных, но и местом, которое способно погубить маленького человека.

Поэма «Медный всадник» станет основой для многих последующих «петербургских текстов» русской литературы. Как мы видим, в начале произведения поэт восторженно описывает город:

*«Громады стройные теснятся
Дворцов и башен; корабли
Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремятся;*

Этот город нас сводит с ума

*В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Темно-зелеными садами
Ее покрылись острова».*

Однако, следуя дальше по тексту, мы начинаем понимать, что эти прекрасные строки написаны о городе, чья стихия погубила своего героя. События поэмы происходят во время наводнения 1824 года, в котором главный герой Евгений теряет свою возлюбленную, а после — и собственный рассудок. Санкт-Петербург в поэме Пушкина — не просто место действия в литературном произведении, а единственно возможное пространство, где могли произойти описанные события. Во времена Пушкина природа наводнений уже была известна: они возникали из-за нагонной волны со стороны Финского залива, что поэт и передал в строках:

*«Но силой ветров от залива
Перегражденная Нева
Обратно шла, гневна, бурлива,
И затопляла острова,
Погода пуще свирепела,
Нева вздувалась и ревела,
Котлом клокоча и клубясь,
И вдруг, как зверь остервенясь,
На город кинулась. Пред нею
Всё побежало, всё вокруг
Вдруг опустело — воды вдруг
Втекли в подземные подвалы,
К решеткам хлынули каналы,
И всплыл Петрополь как тритон,
По пояс в воду погружен».*

А. Пушкин.
«Медный всадник», 1833

У Пушкина же, но в другом произведении, мы встречаем следующие строки о Петербурге:

*«Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит».*

А. Пушкин.

«Город пышный, город бедный...», 1828

Поэт подчеркивает противоречивость, двойственность города, заложенную, казалось бы, с самым первым камнем крепости Санкт-Питер-Бурх (позднее переименованной в Петропавловскую), ставшей началом града Петра. Само название города состоит из трех разноязычных слов: латинского «санкт» (sankt), что означает «святой», греческого «петер» (Πέτρος) — «камень», германского «бург» (burg) — «твердыня», «крепость».

Почти каждый автор, пускающийся в размышления о Петербурге, отмечает чудесное появление города: «Из тьмы лесов, из топи блат...» (А. Пушкин. «Медный всадник», 1833), «Я вижу град Петров чудесный, величавый, По манию царя воздвигнутый из блат...» (П. Вяземский. «Петербург», 1818), «Дивятся царства изумленны, Что столь огромный сей колосс, На зыбкой персти утвержденный, Через столетие возрос» (С. Бобров. «Торжественный день столетия от основания града св. Петра», 1803).

Сам основатель Петербурга, Петр Первый, тоже зачастую мифологизируется писателями и поэтами. Представляемый как создатель, воздвигающий город из пустоты и хаоса силой своего духа, Петр воплощает свой фантастический замысел — рай на земле, собственный «парадиз» на этих, казалось бы, неприглядных болотистых берегах.

Не всем это воплощение казалось правильным. Карамзин называет город «блестящей ошибкой Петра», а Анненский эту «ошибку» видит «проклятой»:

Этот город нас сводит с ума

*«Ни кремлей, ни чудес, ни святынь,
Ни миражей, ни слез, ни улыбки...
Только камни из мерзлых пустынь
Да сознание проклятой ошибки».*

И. Анненский. «Петербург», 1910

Поэт Серебряного века Саша Черный винит во всех бедах Петербурга и его жителей именно Петра:

*«Петр Великий, Петр Великий!
Ты один виновней всех:
Для чего на север дикий
Понесло тебя на грех?
Восемь месяцев зима, вместо фиников — морошка.
Холод, слизь, дожди и тьма — так и тянет из окошка
Брякнуть вниз о мостовую одичалой головой...
Негодую, негодую... Что же дальше, боже мой?!»*

С. Черный. «Желтый дом», 1908

Мрачный взгляд на Петербург, пожалуй, берет начало у Гоголя, который писал про Невский проспект, главную артерию города, так: «Все обман, все мечта, все не то, чем кажется». Он же и раскрывает в полной мере этот особый мистический облик города, первым видит его загадочную двойственность, скрытую за внешним лоском холодность и мрачность, которая способна раздавить и уничтожить своего обитателя. Так происходит в повести «Шинель», где призрак сгинувшего мелкого чиновника Акакия Акакиевича бродит в поисках украденной шинели. То же самое мы видим и в повести «Нос», где нос майора Ковалева достигает больших вершин в обществе, нежели сам герой.

У Достоевского, подобно «Носу» майора Ковалева, своей жизнью начинает жить Двойник героя в одноименной повести. У него же в «Записках из подполья» Петербург — «самый умышленный город». Если вникнуть в смысл этого выражения, то мож-

Фото А. Евстафьева

но отметить, что эпитет «умышленный» чаще всего подразумевает нечто искусственное, неживое и встречается в сочетании с существительным «преступление», да и сам «умысел» вряд ли может быть добрым. Очевидно, что Федор Михайлович таким образом подчеркивает негативную сторону Санкт-Петербурга — города, который не только выступал фоном в его произведениях, но и стал отдельным героем. Представьте действие романа «Преступление и наказание» в каком-то другом месте: в Париже, Вене, Нью-Йорке или Амстердаме. Выйдет уже совсем не та известная всем история, а новое произведение с другими героями и другим финалом.

Этот город нас сводит с ума

Темный образ Санкт-Петербурга проходит сквозь века,
встречаясь и в стихах поэтов Серебряного века:

*«Она узнала зыбь и дымы,
Огни, и мраки, и дома —
Весь город мой непостижимый —
Непостижимая сама».*

А. Блок. «Снежная дева»,
1907

*«И царицей Авдотьей заклятый,
Достоевский и бесноватый
Город в свой уходил туман».*

А. Ахматова
«Поэма без героя»,
1962

*«Я нес в себе — багровый, как гнойник,
Горячечный и триумфальный город,
Построенный на трупах, на костях
«Всея Руси» — во мраке финских топей,
Со шпильями церквей и кораблей,
С застенками подводных казематов,
С водой стоячей, вправленной в гранит,
С дворцами цвета пламени и мяса,
С белесоватым мороком ночей,
С алтарным камнем финских чернобогов,
Растоптанным копытами коня,
И с озарённым лаврами и гневом
Безумным ликом медного Петра».*

М. Волошин. «Россия»,
1924

После страшных дней блокады восприятие Санкт-Петербурга несколько трансформировалось. Когда-то олицетворявшие образ мрака дворы-колодцы, глухие стены домов, темные парадные теперь, также как и выстоявшие после войны дворцы и соборы, стали символом жизни, отображением города, выжившего и сохранившего свою душу, свою суть.

Подобное восприятие города мы встречаем не только в послеблокадное время, но и уже в 1930-е годы. Наиболее подходящим под это описание можно назвать стихотворение Осипа Мандельштама:

*«Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухлых желез.*

*Ты вернулся сюда, — так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей.*

*Узнавай же скорее декабрьский денек,
Где к зловещему дегтю подмешан желток».*

О. Мандельштам. «Ленинград», 1930

После войны осозанный, вобравший и воплотивший в себе мысли и образы многих творцов Петербург становится снова предметом воспевания и восхищения:

*«Все то, чего коснется человек,
Приобретает нечто человечесье.
Вот этот дом, нам прослуживший век,
Почти умеет пользоваться речью.*

*Мосты и переулки говорят,
Беседуют между собой балконы,
И, у платформы выстроившись в ряд,
Так много сердцу говорят вагоны.*

Этот город нас сводит с ума

*Давно стихами говорит Нева.
Страницей Гоголя ложится Невский.
Весь Летний сад — Онегина глава.
О Блоке вспоминают Острова,
А по Разъезжей бродит Достоевский».*

С. Маршак.

«Все то, чего коснется человек...», 1945–1964

*«Все с этим городом навек —
И песня, и душа,
И черствый хлеб,
И черный снег,
Любовь, тоска,
Печаль и смех,
Обида, горечь и успех —
Вся жизнь, что на глазах у всех
Горит, летит спеша.*

...

*Он — жизнь сама!
Он — сам народ!
Он весь — порыв вперед.
И так всегда —
Из года в год,
Из рода в новый род!»*

М. Дудин. «Все с этим городом навек...», 1956

*«И может быть, это сверканье
Листвы, и дворцов, и реки
Возможно лишь в силу страданья
И счастья ему вопреки!»*

А. Кушнер. «Пойдем же вдоль Мойки,
вдоль Мойки», 1972

Красной нитью проходит тема образа Санкт-Петербурга в творчестве Иосифа Бродского, однажды навсегда его покинувшего, но оставившего в нем частицу себя, а в себе – несравненный дух города. Создавая в стихотворении образ Петербурга и в какой-то степени отсылая нас к поэзии Пушкина, поэт описывает в том числе и зарождение собственной поэзии:

*«Я родился и вырос в балтийских болотах, подле
Серых цинковых волн, всегда набегавших по две,
И отсюда — все рифмы, отсюда блеклый голос,
Вьющийся между ними, как мокрый волос...»*

И. Бродский. «Я родился и вырос
в балтийских болотах...»,
1975

Примечательно, что и в этих строках сквозит двойственность: двойная рифма, две волны, неоднозначность города. Мы понимаем, что в сознании автора начало его творчества неразрывно связано с местом, где он родился и вырос, то есть с Петербургом.

С 1970-х годов начинает формироваться восприятие Санкт-Петербурга как «культурной столицы», хотя впервые этот термин озвучивает президент Борис Ельцин только в 1990-х годах. Одновременно прекрасным и загадочным, а порой и романтичным Петербург – Ленинград будет показан в фильмах 1970-х годов («Симфония белых ночей», «Поздняя встреча»), мистическим – в 1980-х («Господин оформитель»), суровым и криминальным – в 1990-х («Бандитский Петербург», «Брат») и снова романтичным – в начале 2000-х («Прогулка», «Питер FM»).

Петербург крайне фотогеничен: он часто становится местом для съемок разных кинокартин вне зависимости от времени, а иногда и места действия, прописанных в сценарии, ведь некоторые места города вполне сходят за европейские улочки. Тема «петербургского текста», перешедшего в кино, многогранна и сложна. (Понятие « петербургский текст», означающее литературные произведения объединенные как самим Петербур-